

RU

Культурное влияние приходского духовенства на инородцев Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века)

Кисняшкин И. Г.

Аннотация. Цель исследования – определить характер культурного влияния приходского духовенства на финно-угорских инородцев Поволжья в пореформенный период. В статье выявлены и изучены направления культурного влияния приходского духовенства на финно-угорских инородцев Поволжья как мягкой силы. Общность направлений определялась как базовыми задачами духовно-нравственного окормления прихожан, так и сходством их культур, истории, языков и характера экономики. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении комплекса каналов культурного влияния на инородцев-прихожан через культурологический дискурс. В результате исследования установлено, что приходское духовенство являлось актором культурного влияния на финно-угорский приход через личный пример, создание условий для культурных диффузий, стимулирование интереса инородческого прихода к изучению русского языка. Культурное влияние носило комплексный характер.

EN

Cultural influence of parish clergy on the indigenous peoples of the Volga region (second half of the 19th – early 20th century)

I. G. Kisnyashkin

Abstract. The aim of the study is to determine the nature of the cultural influence exerted by parish clergy on the Finno-Ugric indigenous peoples of the Volga region during the post-reform period. The article identifies and examines the directions of cultural influence of the parish clergy on the Finno-Ugric indigenous peoples of the Volga region as a form of soft power. The commonality of these directions was defined both by the fundamental tasks of the spiritual and moral guidance of parishioners and by the similarities in their cultures, histories, languages, and economic characteristics. The scientific novelty of the research lies in the consideration of the complex channels of cultural influence on indigenous parishioners through a cultural studies discourse. As a result of the study, it was established that the parish clergy acted as agents of cultural influence on the Finno-Ugric parish through personal example, the creation of conditions for cultural diffusion, and the stimulation of the indigenous parish's interest in studying the Russian language. The cultural influence was of a complex nature.

Введение

С момента возникновения российской государственности православие стало значительной, определяющей частью в целостном явлении культуры, которое, по выражению Д. С. Лихачева, «делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией» (2007, с. 9). Православный клир исторически был проводником и созидателем культурных ценностей среди паствы. Закономерно, что деятельность церковно-, священнослужителей не ограничивалась каноническими обрядами, но включала в себя значительную внецерковную компоненту. Это позволяло транслировать высокие христианские нормы, образование и социально значимые сведения, формировать модели поведения и давать прихожанам ориентиры в решении повседневных проблем. Через священнослужителей реализовывалось фокус-влияние в условиях перехода всего общества или его отдельных страт к новым формам экономических отношений, социальной модернизации или обновлению официальной культуры, как это происходило в период преобразований Петра I и во время «Великих реформ» Александра II.

Приходское духовенство принадлежало к социальной страте, наиболее близкой к основной части населения страны, – крестьянству. Грамотные, свободные от рекрутчины и налогов, священнослужители разделяли с паствой главные стороны ее жизни: беды неурожайных лет, особенности сельского быта и хозяйства,

семейные события, праздничные торжества. Традиционно наследственный, до Церковной реформы второй половины XIX века, характер приходов способствовал укорененности духовенства в жизнь села, что обеспечивало влияние священнослужителей не только на религиозную сторону жизни прихожан, но и способствовало пропаганде культурных новаций времени.

Во второй половине XIX века усиление роли культурного влияния духовенства, а особенно приходского священника, было детерминировано рядом факторов церковной и государственной жизни.

Комплексные реформы 1860-х – 1870-х годов требовали трансляции их содержания и разъяснения его населению. Именно священники сообщали после богослужений о манифестах, указах, оглашали и комментировали официальные документы. Священники, как государственные чиновники, занимались статистикой и вели акты гражданского состояния прихода, отвечали за его лояльность к власти (Свод законов, 1857, с. 1560, 1579, 1581; Григорович, 1867).

В рамках канонической деятельности влияние приходского духовенства усиливалось задачами многоцелевой Церковной реформы 1860-х – 1870-х годов и непродуктивностью традиционной организации миссионерской работы, в частности среди язычествующих инородцев финно-угров: мордвы-мокши и эрзи; марийцев (черемисов); удмуртов (вотяков) (Ефимов, 2007, с. 20-21). Под инородцами в научной и публицистической литературе и в официально-правовых актах было принято называть часть нерусского населения Российской империи.

Значимость культурного влияния приходского клира на инородцев была связана как с их поверхностной христианизацией, так и с необходимостью интенсификации их интеграции в общероссийское культурное и экономическое пространство, формирующееся в этот период на новых принципах. Важными были и знаковые процессы, происходившие внутри этнических культур, связанные с формированием национального самосознания народов, что определило политику форсированной конфессиональной и языковой интеграции инородцев (Мионов, 2003; Римский, 1995).

Влияние на культурное развитие и адаптацию инородцев в условиях модернизационных процессов носило комплексный характер и реализовывалось в единстве миссионерской деятельности, церковной образовательной и просветительской практики, социально-карикативной работы церкви в лице ее приходского духовенства.

В историографии сложилась тенденция изучения роли приходского духовенства в культуре исходя из национальной принадлежности прихожан. При этом для анализа, как правило, избирается один из аспектов деятельности духовенства, что гносеологически оправдано.

Эпистемологические позиции требуют учета дисперсного проживания финно-угорского населения Поволжья, их языковой общности, близости исторических судеб и культур. Это позволяет проанализировать комплексное культурное влияние приходского духовенства не на отдельный этнос, но на мордву, мари и удмуртов.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить эффективность культурного влияния сельского духовенства на финно-угорские приходы второй половины XIX – начала XX века;
- определить направления в канонической и вне канонической практики служения по развитию культуры прихожан-инородцев в сложный период социальной и церковной истории России второй половины XIX – начала XX века.

Цель и задачи работы обусловили применение концептуальных подходов, обеспечивающих методологическую базу гуманитарного междисциплинарного исследования. Основными в работе стали: социокультурный подход, дающий возможность представить сельский инородческий приход в целостности культуры и социальности; аксиологический подход, способствующий определению развития ценностных ориентиров традиционных социумов в период модернизации; культурно-антропологический подход, позволяющий выявить влияние деятельности конкретных представителей православного духовенства на прихожан финно-угров; механизм герменевтического подхода обеспечивает интерпретацию документов изучаемого периода и опубликованных статей приходских священников.

В работе применялись методы, свойственные междисциплинарным исследованиям, объединенные культурологическим дискурсом (религиозно-интуитивистский метод, метод вживания, историософский метод и другие).

Материалами исследования послужили:

- труды священнослужителей сельских приходов второй половины XIX – начала XX века:
 - Барсов Н., священник. По поводу статьи: «Браки у мордвы» (Пензенские Епархиальные Ведомости. 1894 г. № 18-й) // Пензенские епархиальные ведомости. 1895. № 21;
 - Барсов Н. Иоанн-Вельденъ. Шкайстенъ Ёнь-куля. Мокшень. СПб., 1901 (Святое Евангелие от Иоанна на центральном мокшанском наречии мордовского языка);
 - Барсов Н., священник. Собрание бытовых и исторических песен мордвы-«мокши». По центральному говору // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. 1905. Вып. 6;
 - Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Berlin: A. Asher et C°, 1858;
 - Васильев И., священник. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань: Казанская типо-литография Императорского университета, 1906;
 - Васильев И. Краткий катехизис на горно-черемисском наречии. Казань: Типо-литография М. А. Гладышевой, 1871;
 - Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 1998;
 - Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб.: Русская старина, 1882;

- Религиозные обряды черемис (свящ. сельца Уньжи Гавриил Яковлев). Казань: Православное миссионерское общество братства св. Гурия, 1887;
- Юртов А., свящ. Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки, Казань, 1884;
- А-в (Юртов). Погребальные обряды и поверья крещеной мордвы Уфимской губернии // Известия по Казанской епархии. 1887, № 8;
- Яковлев Г. Краткий Катехизис на горно-черемисском наречии. Казань: Типография и литография М. А. Гладышевой, 1871;
- Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Православное миссионерское общество, 1887;
- публикации в церковной периодической печати:
- Из села Чащинские дворики Борисоглебского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1897. № 49;
- Степановский П. Село Черково Городищенского уезда // Пензенские Епархиальные ведомости. 1870. № 10;
- а также исследования ученых и общественных деятелей последней четверти XIX – начала XX века, посвященные трудам православных священников: миссионерской деятельности, организации школ, созданию переводной литературы на языках прихожан и т. д.:
- Зеленин Д. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев (К десятилетию со дня смерти Н. И. Ильминского. 27-го декабря 1901 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902;
- Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформ Петра. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1873;
- Елагин Н. В. Белое духовенство и его интересы. Берлин: Типография Р. Голике, 1859;
- Извеков Д. Кому поручить дело народного образования // Пензенские епархиальные ведомости. 1869. № 9;
- Износков И. А. Материалы для истории инородческого просвещения инородцев Казанского края. Вып. 2. Изд-е 2-е. М.: Типография А. И. Снегиревой, 1893;
- Левитов М. Народ и духовенство. Казань: Центральная типография, 1907;
- Луппов П. Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка: Губернская типография, 1911;
- Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М.: Университетская типография, 1880;
- Никольский А. (прот.). Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия в Казани: очерк из истории православной миссии среди инородцев России во второй половине XIX столетия. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1901. <https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr-Nikolskij/perevodcheskaja-komissija-pravoslavnogo-missionerskogo-obshhestva-pri-bratstve-sv-gurija-v-kazani/>;
- Никольский Н. В. Религиозно-нравственное состояние инородцев Поволжья // Инородческое обозрение (приложение к журналу «Православный собеседник» за декабрь 1912. Кн. 1). Казань, 1912;
- Пензенская Духовная Семинария за столетний период ее существования (1800-1900 г.). Исторические заметки с приложением списка лиц, служащих в семинарии, и воспитанников, окончивших полный курс. Пенза: Типография Губернского Правления, 1901;
- Смирнов Н. Нравственно-просветительная деятельность духовенства Пензенской епархии за 1874 год (по отчетам приходских священников) // Пензенские Епархиальные ведомости. 1877. № 3;
- и законодательные акты, регламентирующие деятельность приходского духовенства:
- Григорович Н. И. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764-1863 гг.). СПб.: Синодальная типография, 1867;
- Свод законов Российской Империи: в XV т. СПб., 1857. Т. IX.

Теоретической основой исследования стали работы в области истории и культуры изучаемого периода. Труды таких авторов русского зарубежья, как А. В. Карташев (1959), П. Н. Милюков (1994), И. К. Смолич (1996) и других, развивали тезисы исследователей XIX – начала XX века, признавали сложное положение приходского священника, обремененного множеством обязанностей в условиях материальной и социально-правовой незащищенности, и подвижничество его, в большинстве случаев, служение в приходах. Этот посыл развивался и в хрестоматийном труде американского русиста Г. Фриза (Freeze, 1977).

В советской историографии вклад священников в развитие культуры финно-угорских народов изучался в контексте социальной истории или истории культуры. При известных идеологических коннотациях исследователи отмечали вклад приходского духовенства в развитие национальных культур (Ивонин, 1987; Попов, 1987; Просветители и педагоги..., 1986; Феоктистов, 1976).

«Религиозный ренессанс» конца XX – начала XXI века сопровождался значительным количеством диссертационных и монографических работ, связанных с историей православных епархий и деятельностью их духовенства (Белоногова, 2010; Бердинский, 1996; Васина, 2003; Зеткина, 2005; Ивонин, 1987; Леонтьева, 2002; Макурина, 2002; Мотыка, 2002; Просветители и педагоги..., 1986; Розов, 2003; Фирсов, 2007). Это направление в исторических и культурологических исследованиях сохраняет актуальность и на современном этапе развития в историографии темы «культурное влияние приходского духовенства на нерусское православное население» (Ивочкин, 2022; Зеткина, Стеньшин, 2023).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в образовательной практике учебных заведений, при изучении курсов «Культурология», «Истории России», «История социальной работы», элективных курсов «Краеведение», «История финно-угорских народов Поволжья». Потенциал материалов статьи связан с возможностью их использования при создании социокультурной истории финно-угорских народов России и описании роли приходского духовенства в ней.

Обсуждение и результаты

Служение приходского духовенства среди финно-угорских инородцев локализовалось, главным образом, в регионе Поволжья, отличавшемся пестротой языков, культур и конфессий при дисперсном расселении народов. Инородческие финно-угорские приходы главным образом располагались в Казанской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской Козьмодемьянской, Царевококшайской и Вятской епархиях (Зеткина, 2005).

Приходская реформа 1861-1864 годов, призванная улучшить материальное обеспечение клира через укрупнение приходов и дисперсное проживание, приводила к существованию полиэтнических приходов в епархиях. Привычными были приходы, в которые входили русские и мордовские поселения, русские и марийские или марийские и удмуртские населенные пункты.

Оценка приходского духовенства и его культурного уровня образованными современниками в публицистической и художественной литературе отличалась уничижительными характеристиками или подчеркнутой снисходительностью: от «костного» у В. Г. Белинского до «страдающего и приниженного» у Н. С. Лескова. Хорошим тоном в периодической печати считались характеристики духовенства как «неразвитого, тупого, глупого и даже безнравственного» (Записки сельского священника..., 1882. с. 5). Между тем, именно во второй половине XIX века происходит рост образовательного уровня белого (не монашеского) духовенства через введение требований к образовательному цензу и расширение сети духовного образования, о чем свидетельствовали компетентные современники (Беллюстин, 1858; Знаменский, 1873; Елагин, 1859; Износков, 1893; Левитов, 1907; Луппов, 1911; Можаровский, 1880; Никольский, 1912; Смирнов, 1877; Пензенская духовная семинария..., 1901).

В результате к последней четверти XIX века сложилась ситуация, описанная автором «Записок сельского священника» в 1882 году: «В каждой губернии вы непременно найдете человек 700 священников и псаломщиков с полным образованием среднего учебного заведения, есть с образованием академическим, и из всего количества 40% окончивших полный курс средних и высших заведений есть непременно. Переберите, потом, всех служащих чиновников во всех переполненных ими присутственных местах и увидите, много ли там окончивших полный курс гимназий» (1882, с. 5).

Расширение сети духовного образования в рамках миссионерской системы инородческого образования Н. И. Ильминского (Зеленин, 1902; Зеткина, 2005) и отказ от сословного принципа формирования духовенства в пореформенный период привели к появлению священников из числа инородцев Поволжья. Такими стали марийцы – протоиереи Ф. Е. Егоров, Н. А. Смирнов и Г. Я. Яковлев (Вятская и Нижегородская епархии), мордва – дьякон Ф. К. Садков (Казанская епархия), протоиерей Ф. П. Стрелков (Пензенская епархия), протоиерей А. Ф. Юртов, служивший в мокшанских и удмуртских приходах (Симбирская, Казанская епархии), удмуртские священники И. В. Васильев и Г. Е. Верещагин (Вятская епархия) (Васина, 2003; Зеткина, 2005; Ивонин, 1987).

Эти и многие другие представители сельского приходского клира подтверждали, что «русское духовенство, издревле составлявшее лучшую и образованную часть общества, предназначало решение серьезных и сложных общественных вопросов, руководило умственным и религиозным просвещением народа и заправляло всем ходом его духовной жизни» (Извеков, 1869, с. 164).

Приходские священнослужители персонифицировали каналы культурного влияния. Позиция одновременной «внутри и внеаходимости» (Бахтин, 2003) обеспечивала эффективное присутствие священников как «агентов» православной и общероссийской культуры в инородческой среде и спасала от позиции культуртрегерства.

Тонкое знание нужд пасомых делало эффективным каноническое служение священнослужителей. Официально крещеные финно-угорские народы Поволжья реально отличались двоеверием. Народное православие характеризовалось синкретизмом христианских и языческих компонентов религии. Например, в православии финно-угров устойчивой была подмена образа Иисуса Христа верховными божествами языческих пантеонов: Нишке-Пазом (мордовское); Куту-Юмо (марийское); Инмар (удмуртское) (Васина, 2003; Зеткина, 2005; Ивонин, 1987).

Земледельческий экономический уклад усиливал традиционную веру инородческих прихожан через сельскохозяйственный календарь и надежду на богов-покровителей. Закономерно, что с верностью традиционной религии связывалось благополучие семей. Марийская поговорка «Нашу веру кончать – нас кончать» была характерна для мировоззрения и мордвы, и удмуртов.

Миссионерские усилия сельских священнослужителей приносили результаты при деликатной и последовательной работе по внедрению основ православной веры и использованию параллелей с традиционными представлениями в православном проповедничестве. Усилению позиций православия в приходах способствовала замена языческих обрядов православными молебнами в начале сельскохозяйственных работ, в проблемные периоды подобные засухе или мору животных (Из села Чащинские дворники..., 1897; Степановский, 1870).

Внимание к повседневной и традиционной обрядовой культуре этносов позволило именно скромным приходским священникам создать труды, и сегодня находящиеся в активном научном обороте финно-угорских этнографов, историков и фольклористов (Васина, 2003; Зеткина, 2005; Ивонин, 1987).

Приходским священникам принадлежат историко-статистические описания приходов, собрания образцов народной словесности и словарные материалы, фиксации и толкования этнических обрядов. В качестве примеров приведем статью священника Н. Барсова «По поводу статьи: „Браки у мордвы“» (1895) и его же «Собрание бытовых и исторических песен “мордвы-мокши”» (1905), основанное на археологических раскопках; описание священника А. Юртова «Погребальные обряды и поверья крещеной мордвы Уфимской губернии» (1887), книги священника Г. Яковлева «Религиозные обряды черемис» (1871) и И. Васильева «Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии» (1906).

Издание таких трудов находилось в сфере интересов епархиальных ведомостей, Переводческой комиссии братства Святителя Гурия, Губернских статистических комиссий и журналов научных обществ, таких как «Известия общества истории, археологии и этнографии», «Известия Русского географического общества», «Журнал Финно-угорского общества». Показательно, что именно приходской священник Г. Е. Верещагин (Вятская епархия) выступал экспертом в резонансном деле о «Мултанском жертвоприношении» вотяков (Верещагин, 1998, т. 3, кн. 1, с. 272-278).

Авторитет священнослужителей среди прихожан детерминировал вертикальную культурную диффузию. Показательным примером этого являются восприятие новых форм сельского хозяйства, таких как садоводство или пчеловодство, под влиянием примера священника, усвоение гигиенических норм в период эпидемии холеры в Поволжье, принятие оспопрививания, отказ от праздничного пьянства или обрядового вотского «кумышковарения», стремление построить внутрисемейные отношения на принципах «малой Церкви», осознание значимости образования.

Авторитет и образованность священников обеспечивали открытие и работу народных школ в инородческих селах. Священник мордовского прихода Пензенской епархии утверждал: «Средство к просвещению народному как прежде было, так в настоящее время почти единственное то, какое тот или другой священник найдет предложить ему» (Степановский, 1870, с. 315). Сельские священники не только открывали церковные школы в приходах, изыскивали средства на их содержание, но и преподавали в них. Сложность заключалась в обеспечении контингента учеников. Родители воспринимали образование как угрозу их авторитету в глазах детей. Открывая школы, священники изыскивали аргументы, убедительные именно для своих «пасомых», подобные тем, что приводили «Тамбовские епархиальные ведомости»: «В школе ваши дети не только научатся читать и писать, но и изучат также молитвы и заповеди... Здесь же они почерпнут много полезных сведений, которых им не может дать практика. В длинные зимние вечера они будут читать интересные книжки и тем доставят вам немалое утешение... Не опасайтесь, что школа оторвет ваших сыновей от земли или сделает их гордыми и непочтительными по отношению к вам» (Из села Чашинские дворики..., 1897, с. 1308).

Преподавание в народных училищах, организация работы в церковно-приходских школах с инородческим составом учеников требовали от священников реализации миссионерской системы образования Н. И. Ильминского. Обучение в таких школах шло на родном языке детей или с постоянной опорой на него учителем, владеющим этим языком, и по учебникам на языке учащихся (Зеленин, Ильминский, 1892). В рамках реализации этих требований при поддержке переводческой комиссии братства св. Гурия приходскими священниками разрабатывались алфавиты финно-угорских языков, их грамматические нормы. Создавались буквари, первоначальные учебники русского языка и книги для чтения (Никольский, 1901).

Значительным было влияние приходского священства на знакомство паствы с русским языком и, одновременно, на изучение и развитие национальных языков и письменности на них. Русский язык выступал каналом культурного влияния, межэтнической коммуникации и фактором экономической жизни. Священнослужители становились мостом в общении нерусского прихода с официальными органами. Священники брали на себя миссию обучения государственному языку взрослых в воскресных школах и в повседневном общении. Эта работа была тем успешнее, чем лучше сам священник, независимо от национального происхождения, знал язык прихода.

Изучение инородческих языков детерминировалось стремлением сделать литургии и проповеди доступными пониманию прихожан. Язык прихожан в изучаемый период рассматривался «как первое и важнейшее миссионерское оружие» (Зеленин, Ильминский, 1892, с. 31). В финно-угорских языках отсутствовали отвлеченные понятия. В проповедях и во внецерковных беседах необходимо было отказываться от абстрактных и традиционных приемов красноречия, но использовать фольклор прихожан. Знание финно-угорских языков обеспечивало и эффективное изучение инородцами русского языка.

Владение наречиями мордовскими, удмуртским и марийского языка позволяло переводить священникам книги для «духовного чтения»: Катехизис, молитвословы, Священную историю на эрзянский, мокшанский, вотяцкий языки и черемисские наречия (Никольский, 1901; Васильев, 1871; Яковлев, 1871; Барсов, 1901). В мордовских приходах такие переводы сделали протоиереи Н. Барсов и А. Юртов (Просветители и педагоги, 1986). В удмуртских приходах антология переводов формировалась трудами священников Н. Блинова, И. Васильева, Г. Верещагина, Б. Гаврилова, М. Елабужского, С. Крекнина, Н. Кибардина, А. Филимонова (Ивонин, 1987). У марийцев – В. Васильева и Т. Удюрминского (Попов, 1987). В ходе переводов шло формирование грамматических норм и литературных языков финно-угорских народов.

Заключение

Таким образом, историко-географическая общность, сходство хозяйственной деятельности, родственная языковая группа, присущий народному православию прочный языческий компонент детерминировали близость в направлениях культурной работы приходских священнослужителей среди инородцев финно-угров в период социокультурной и экономической модернизации второй половины XIX начала – XX века.

Лучшие представители сельского православного духовенства, по характеристике современника, служили для прихода «образами совершеннейшей миссии», реализуя в своей работе «желание возродить малокультурную народность, приобщив ее к возвышенной христианской культуре, но возродить на ее же собственной почве, ничуть не отнимая у нее ни языка, ни других черт народности» (Зеленин, 1902, с. 4-5). Именно авторитет священнослужителей обеспечивал эффективность их культурного влияния как мягкой силы на инородцев-прихожан.

Результативность усилий лучших представителей сельских священнослужителей обеспечивалась комплексным их характером. Каноническое церковное служение, призванное к духовному спасению православных, подкреплялось развитием образования, внедрением русского языка как способа экономической и культурной интеграции в пореформенное пространство России, изучением и развитием национальных языков и этнических культур.

Одной из перспектив исследования темы культурного влияния сельского духовенства может быть применение культурологического дискурса как комплексного подхода к изучению вклада православного приходского причта на сельское население Поволжья в целом.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1.
2. Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010.
3. Бердинских В. А. Приходское духовенство второй половины XIX века и изучение истории // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Пенза, 1996. Вып. 1.
4. Васина С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Чебоксары, 2003.
5. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007.
6. Зеткина И. А. Национальное просветительство Поволжья. Саранск [б. и.], 2005.
7. Зеткина И. А., Стеньшин И. В. Священник Николай Барсов. Саранск: Изд-во Константина Шапкарина, 2023.
8. Ивонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: история и современность. Устинов: Удмуртия, 1987.
9. Ивочкин Д. А. Общественно-религиозная деятельность Русской православной церкви в Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... д. ист. н. Саранск, 2022.
10. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. Париж: YMCA-PRESS, 1959. Т. 1.
11. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002.
12. Лихачев Д. С. Русская культура. СПб.: Искусство–СПб, 2007.
13. Мотыка И. И. Миссионерско-просветительская деятельность русской православной церкви среди мордвы во второй половине XVI – начале XX в.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Саранск, 2002.
14. Макурина В. В. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 2002.
15. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х т. М.: Прогресс; Культура, 1994. Т. 2. Ч. 2.
16. Миронов Б. Н. Социальное развитие России периода империи (XVIII – XX в.): в 2-х т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 2003.
17. Попов Н. С. Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987.
18. Просветители и педагоги Мордовского края. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1986.
19. Римский С. В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2.
20. Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003.
21. Смолич И. К. История Русской церкви, 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 8. Ч. 1.
22. Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. М.: Наука, 1976.
23. Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ, 2007.
24. Freeze G. L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Harvard University Press, 1977.

Информация об авторах | Author information

Кисняшкин Иван Гаврилович¹

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск

Ivan Gavrilovich Kisnyashkin¹

¹ National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk

¹ m-ioann35@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.05.2025; опубликовано online (published online): 06.06.2025.

Ключевые слова (keywords): инородцы финно-угры Поволжья; культурное влияние приходского духовенства; пореформенный период; Finno-Ugric indigenous peoples of the Volga region; cultural influence of parish clergy; post-reform period.